

Г. В. ВИЛЬЯМСЪ.

(5-18 ноября 1928 г).

Безвременная кончина Гаральда (въ православіи Григорія) Васильевича Вильямса, общественнаго дѣятеля и публициста, редактора иностраннаго отдѣла газеты Times, вызвала глубокую скорбь въ англійскомъ обществѣ, но она тяжело отозвалась и въ русскихъ сердцахъ. Въ немъ мы потеряли вѣрнаго, умнаго, благороднаго друга Россіи. У англійскаго народа много сыновъ, беззавѣтно преданныхъ своей родинѣ, но русскіе люди среди иностранцевъ въ эти дни испытаній мало найдутъ, если только найдутъ, друга, столь преданнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь знающаго нашу родину, гдѣ онъ прожилъ многіе годы, дѣля съ нею радости и горе. Онъ сталъ какъ бы русскимъ, не переставая быть англичаниномъ съ ногъ до головы, являя собой воплощеніе благороднѣйшихъ чертъ своего народа.

Общественно-политическое значеніе его работы уже указано въ современной печати, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о немъ самомъ. Покойный представлялъ собою замѣчательное и поучительное явленіе христіанско-европейской культуры, особенно въ нашъ вѣкъ національнаго и племеннаго шовинизма и исключительности. Въ немъ органически соединялся русскій востокъ и европейскій западъ, русская стихія и англосаксонскій характеръ, при томъ безъ взаимнаго поглощенія, но съ взаимнымъ просвѣтленіемъ. Въ такомъ явленіи самомъ по себѣ есть нѣчто призывно-пророческое, свидѣтельствующее о возможностяхъ и плодотворности духовнаго сближенія христіанскихъ народовъ. На протяженіи по крайней мѣрѣ 20 лѣтъ мнѣ приходилось въ разныя времена встрѣчать и наблюдать покойнаго: и въ русскихъ литературныхъ и политическихъ кругахъ, и на московскомъ церковномъ соборѣ, и въ лондонскомъ обществѣ. Но всегда поражало это его умѣнье любить и почитать наши духовныя цѣнности, въ чемъ бы онѣ ни состояли. Онѣ становились какъ бы его собственнымъ достояніемъ. Г. В. былъ гражданинъ міра: австраліецъ по рожденію, европеецъ по воспитанію,

русскій по своимъ семейнымъ связямъ, выдающійся языковѣдъ, державшій въ своей головѣ постоянно свѣдѣнія и мысль о всѣхъ міровыхъ событіяхъ, онъ былъ своимъ и среди русскаго культурнаго общества, проникаясь его интересами. И особенно близки были для него нужды русской церкви, въ частности — съ живымъ участіемъ и разумѣніемъ онъ слѣдилъ за происходящимъ на Московскомъ церковномъ соборѣ 1917-18 г. г. Въ послѣдніе годы русско-англійскій домъ Г. В. и жены его являлся естественнымъ мѣстомъ для духовной встрѣчи Англии и Россіи. Приѣзжая въ Лондонъ, мы, русскіе, имѣли родной домъ, гдѣ, мы знали, все нужное устроятъ, кого слѣдуетъ пригласить, обо всемъ позаботятся. И эта забота прежде всего относилась къ тому, что всего дороже для русскаго сердца, къ православной церкви. Въ частности нашъ Богословскій Институтъ долженъ молитвенно помнить и благодарить своихъ друзей въ Chelsea. Въ этотъ домъ естественно сходились представители разныхъ слоевъ англійскаго общества: духовенство, парламентаріи, писатели, общественные дѣятели, для того, чтобы слышать наши русскіе рассказы о русскихъ нуждахъ, надеждахъ и горестяхъ.

Хочется прощальнымъ взглядомъ задержать въ душѣ плѣнительный образъ покойнаго. Зная его, нельзя было имъ не любоваться. Самое привлекательное въ немъ была его тихость и скромность, христіанское смиреніе, чрезъ которое чувствовалась при этомъ крѣпкая воля, чуждая расплывчатости, духовная собранность и желѣзная дисциплина труда. Въ его благородной осанкѣ было соединеніе подлиннаго джентльменства и какой-то духовности (не даромъ онъ былъ сыномъ методистскаго пастора, и самъ онъ въ молодости стоялъ на томъ же пути), и она соответствовала той чистотѣ и простотѣ, которыя свѣтились въ глазахъ и въ улыбкѣ. Англосаксонская твердость соединялась въ немъ съ русской застѣнчивостью. Въ тѣ дни, которые приходилось проводить подъ его кровомъ, мы бесѣдовали, казалось, болѣе всего безъ словъ, ибо слова были цѣломудренны и скупы, но тѣмъ значительнѣе была эта молчаливая, тихая рѣчь. Пусть оцѣнивають другіе, болѣе къ тому призванные, его заслуги въ области политики и публицистики, мнѣ же хочется сказать о немъ одно, но зато самое важное: то былъ христіанинъ.

Онъ сыздавна былъ другомъ Православія, къ нему влекся многіе годы, однако по разнымъ причинамъ, въ числѣ которыхъ, думается мнѣ, не послѣднюю роль играли застѣнчивость, переходящая иногда въ духовную робость, онъ оставался внѣ Православія. На крыльяхъ приблизившейся смерти перешелъ онъ и эту грань, и актомъ своего предсмертнаго присоединенія къ Православію онъ подвелъ итогъ своей духовной жизни. Пусть скажутъ свое русское спасибо русскіе люди и въ лучшіе дни

не забудутъ того, кто въ тягчайшіе дни испытаній былъ вѣрнымъ ихъ другомъ, и да явится эта православная кончина свѣтлымъ предзнаменованіемъ того церковнаго соединенія востока и запада, которое, по милости Божіей, столь явно обозначается въ сближеніи восточнаго Православія и англиканства. Господь да упокоитъ душу раба Своего Григорія!

Прот. С. Булгаковъ.

14-17. XI. 1928.
